

ПРАКТИКИ ГОВОРЯТ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.21

Правильная ссылка на статью:

Тощенко Ж. Т. Высшее образование на перепутье: куда ведут реформы (заметки скептика) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 400—417. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.21>.

For citation:

Toshchenko Z. T. (2019) Higher education at a crossroads: where the reforms are going (skeptical notes). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 400—417. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.21>.

Ж. Т. Тощенко

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ПЕРЕПУТЬЕ: КУДА ВЕДУТ РЕФОРМЫ (ЗАМЕТКИ СКЕПТИКА)

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ПЕРЕПУТЬЕ: КУДА ВЕДУТ РЕФОРМЫ (ЗАМЕТКИ СКЕПТИКА)

HIGHER EDUCATION AT A CROSSROADS: WHERE THE REFORMS ARE GOING (SKEPTIC NOTES)

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич — член-корреспондент РАН, научный руководитель социологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-MAIL: socis@isras.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7729-3660>

Zhan T. TOSHCHENKO^{1,2} — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Department of Sociology of the Russian State University for Humanities; Leading Researcher

E-MAIL: socis@isras.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7729-3660>

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. В статье анализируются состояние и методы реформирования высшего образования в России. Обра-

Abstract. The article analyzes the present state and methods of reforms in higher education in Russia. Attention

щается внимание на то, что нет четкой и ясно сформулированной цели развития высшего образования — она замещается предложением и внедрением средств реализации этой цели, что затрудняет оценку конечного результата образования и обучения в высшей школе. Рассматривается и дается оценка так называемому процессу оптимизации, который наряду с положительными моментами (закрытием псевдоучебных учреждений) привел к дезорганизации и дезориентации учебного процесса, к засилью бюрократических показателей при оценке деятельности вузов. Оспаривается внедряемая сверху установка о передаче основных функций науки университетам, что противоречит многовековым традициям ее организации в России и является некорректным слепком опыта ряда зарубежных стран. Особому анализу подвергнута практика Единого государственного экзамена, который выявляет формальные признаки знания фактов, усвоенных учеником, и полностью лишен возможностей выявления творческого начала. Особое внимание уделяется такой форме квазирыночных отношений, как пребендиализм. В заключение автор показывает, что отказ от выполнения воспитательных функций имеет далеко идущие отрицательные последствия.

Ключевые слова: высшее образование, реформы высшего образования, оптимизация образования, наука в высшей школе, ЕГЭ, бюрократизация в вузах, пребендиализм, воспитание

Благодарность. Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект №18-18-00024.

is drawn to the fact that the higher education development goal is not clearly formulated. The goal is substituted for a proposal and means to realize this goal which, in fact, makes it hard to assess the final results of the university studies. The author investigates the so-called 'optimization' which, along with its positive effects (shutdowns of pseudo educational institutions), has led to a disorganized and disoriented character of the learning process with dominant bureaucratic indicators evaluating universities' performance. The transfer of the basic functions of science to the universities, imposed from above, goes contrary to the centuries-old Russian traditions, represents an incorrect copy borrowed from foreign experience and is heavily disputed in the paper. Special attention is paid to the analysis of the Unified State Exam which serves to reveal the formal knowledge of facts the pupils acquire; however it is completely deprived of any artistic element. The paper also examines 'prebendialism', a form of quasi-market relations. In conclusion, the author highlights that a refusal to execute educational functions has far-reaching negative impacts.

Keywords: higher education, reform of higher education, optimization of education, science in higher education, Unified State Exam (USE), bureaucratization in universities, prebendialism, upbringing

Acknowledgments. The article is supported by Russian Science Foundation, project no. 18-18-00024.

Вместо введения

If a free society cannot help the many who are poor, it cannot save the few who are rich. Our progress as a nation can be no swifter than our progress in education. The human mind is our fundamental resource.

John F. Kennedy

Слова президента США Дж. Кеннеди относятся к тому периоду, когда в СССР запустили первый искусственный спутник Земли (1957 г.). Для официальных лиц Америки это стало потрясением. Как это и почему это случилось? Почему СССР опередил США? По распоряжению президента (тогда им был Д. Эйзенхауер) была создана специальная комиссия, которая после двух лет работы сделала сенсационное заключение: СССР победил благодаря более совершенной системе образования и подготовке кадров [Амброз, 1993].

Исходя из этих выводов, была принята масштабная программа перестройки образования в США, огромные капиталовложения направлены в сферу образования по всем ее показателям: кадры, инфраструктура, связь с наукой, участие бизнеса, финансирование, структура учебного процесса, создание особых центров подготовки кадров и др. (отметим, что о роли и значении образования неустанно говорили все следующие президенты — от Дж. Кеннеди до Б. Обамы). Результат сказался уже примерно через десять-пятнадцать лет — американцы постепенно выходили на первое место в решении многих технико-технологических проблем, в том числе в освоении космоса.

Никто не сомневается, никто не оспаривает, что Россия в настоящее время нуждается в неотложном реформировании образования. По данным международных рейтингов TIMMS и RISA по естественно-научной грамотности Россия занимает в мире только 30 место (2015 г.)¹. А как реагировать на тот факт, что в начале 1980-х годов в Советском Союзе выпускалось 78 тыс. станков, несколько тысяч из которых закупала даже ФРГ, а в 2015 г. их было выпущено 2900², которые с трудом закупаются даже отечественной индустрией? Или еще один пример: уровень внедрения инноваций в России по сравнению с СССР сократился в шесть-семь раз³.

По данным Росстата, уровень безработицы специалистов с высшим профессиональным образованием составляет 5,5%—6,1%, среди молодежи со средним профессиональным образованием — 7,3%—8,9% в зависимости от профессии⁴.

Иначе говоря, остро стоит вопрос, как преодолеть накопленное отставание и как реформировать образование. Существуют различные подходы, но большинство из них фокусируются вокруг отдельных проблем. Одни дают характери-

¹ Национальные проекты 2019—2024 гг. анализ и ключевые риски их реализации. Социальная сфера: научно-аналит. издание / колл. авторов под научн. рук. д. э.н. А. А. Шабуновой. Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН. 2019. С. 37.

² Паничев Н. А. Как уничтожали отечественное станкостроение // Литературная газета. 2019. № 6. 13—19 февраля. С. 5.

³ Кудрин поставил России три условия // Коммерсантъ. 17.01.2019.

⁴ Организация Росстатом статистических наблюдений за трудоустройством выпускников учреждений профессионального образования. URL: <http://docplayer.ru/64025464-Organizaciya-rosstatom-statisticheskikh-nablyudenyi-za-trudoustroystvom-vypusknikov-uchrezhdeniy-professionalnogo-obrazovaniya.html> (дата обращения: 30.08.2019).

стику современной образовательной политики [Бляхман, Чернова, 2012], другие описывают состояние студенческой среды⁵, третьи критикуют болонскую систему [Ранчин, 2015], четвертые сконцентрированы на отдельных сюжетах, например, на проблемах ЕГЭ⁶. Наконец, есть и подход, рассматривающий проблемы высшей школы с позиции подготовки предпринимателей, бизнесменов, людей творческих профессий с одновременным восхвалением образования в западных странах при полном игнорировании проблем подготовки массовых профессий, например, учителей, врачей, работников культуры и других специалистов, работающих не только в крупных городах, но и в многочисленных малых поселениях и в сельской местности⁷.

Сравнительно редко дается полноценная и всесторонняя оценка состояния высшей школы [Бляхер, Бляхер, 2014; Смолин, 2015а, 2015b].

Попытки (и не безуспешные) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Центра стратегических разработок (до ноября 2018 г. рук. А. Кудрин) монополизировать идеологию совершенствования образования вызывают много вопросов. Все ранее разработанные и внедренные ими инициативы (Болонский процесс, ЕГЭ, реформы общеобразовательной школы и среднего профессионального образования) принесли больше забот и разочарований, чем политика постепенной апробации вносимых предложений. Многие из них получили негативную оценку. Так, выдающийся математик, председатель Московского математического общества академик Владимир Арнольд заявил по поводу революционных преобразований и внедрения новых стандартов обучения в старшей школе: «Этот план производит общее впечатление плана подготовки рабов, обслуживающих сырьевой придаток господствующим хозяевам: этих рабов учат разве что основам языка хозяев, чтобы они могли понимать приказы»⁸.

В 2018 г. реформаторы представили доклад «12 решений для нового образования», которые предусматривают кардинальные нововведения. По мнению ректора НИУ ВШЭ Я. Кузьмина, речь идет об изменении целого социального института, все эти решения должны быть направлены на такие ключевые проблемы, как повышение качества человеческого потенциала, технологическая модернизация, социальная устойчивость и цифровая трансформация в образовании⁹.

Эти слова звучат торжественно, значимо и даже в известной мере привлекательно. За исключением одного — как нам представляется, они отражают видение проблем образования «сверху», с позиции «знающих все рецепты» выхода из кризиса и настаивающих на своей правоте при игнорировании того, что об этом образовании думают те, кто составляет базу и основу образования — студенты и преподаватели, которые, по мнению составителей (это считается между строк документа) «12

⁵ Резник С. По этапам адаптации. Кому учить студентов жить? // Поиск. 14.10.2016. № 42.

⁶ Медведев Ю. Оценивать креатив. Президент РАН: от какого ЕГЭ надо отказаться // Российская газета. 04.04.2018. URL: <https://rg.ru/2018/04/03/prezident-ran-ege-dolzen-ocenivat-ne-znaniia-a-kreativnost-uchenika.html> (дата обращения: 04.08.2019).

⁷ Кудрин А. Бесценен каждый. Человеческий капитал прирастает образованием // Поиск. 23.03.2018. URL: <https://www.poisknews.ru/magazine/34254/> (дата обращения: 02.08.2019).

⁸ Цит. по: Чернаков А. Исправленному стандарту поверили не все // Известия. 17.02.2011.

⁹ Цит. по: Возовикова Т. Негатив в позитиве. Переход на эффективный контракт приносит нежданные плоды // Поиск. 09.02.2018. URL: <http://www.poisknews.ru/magazine/32877/> (дата обращения: 02.08.2019).

решений для нового образования», мыслят приземленно, примитивно, не видят перспективы, озабочены проблемами только сегодняшнего дня. Для реализации этих планов требуется 758 млрд рублей, но где их найти — остается за кадром, превращаясь в прекраснодушное пожелание [цит. по: Возовикова, 2018].

Какова же цель образования?

Если судить по заявлениям инициаторов оптимизации, вуз должен соответствовать вызовам времени, следовать требованиям четвертой промышленной революции и ориентироваться на потребности — текущие и перспективные — рынка труда. Но практически ничего не говорится о том, что образование определяет лицо страны, что страна не может быть более развитой, чем ее образование.

По мнению ректора РАНХиГС В. Мау¹⁰, люди должны платить за образование, университеты должны заниматься предпринимательской деятельностью (концепция «Университет 3.0»), так как им необходимо зарабатывать деньги. В результате университеты ввергнуты в пучины квазирыночных отношений с далеко идущими последствиями.

В чем главный порок этих предложений? В них не сформулировано стратегическое видение того, для чего нужно образование вообще — и высшее образование в частности. Практически речь идет о путях и средствах развития общеобразовательной сферы: модернизация, цифровизация, трансформация и подобные вещи, которые звучат хорошо, но не раскрывают того, а что все же надо делать реальным участникам общеобразовательного процесса и во имя чего. Этот порок усугубляется тем, что образование в таких и подобных предложениях трактуется как сфера услуг. А если это сфера услуг, за услуги надо платить. Что и делается во все возрастающих масштабах. При этом происходит абсолютизация финансовых показателей. Ректор НИУ ВШЭ утверждает, что «обеспечить справедливость можно только деньгами»¹¹. Если это так, то в самом деле образование призвано только оказывать услуги. Иначе говоря, неолиберальные предложения в основном упаковываются в рамки квази- и псевдорыночных отношений, превращая учебные заведения в подобие коммерческих структур, для которых критерием их успешности являются доход и прибыль. Вот и продолжают появляться заявления, которые ранее звучали в устах бывшего министра Минобрнауки Д. Ливанова — все высшее образование надо перевести на платную основу [цит. по: Бляхман, Чернова, 2012: 52].

Нередко в качестве цели реформы выдвигаются масштабы (численность) обучающихся, анализ различных форм подготовки специалистов, рассказ об успехах образования за рубежом, обсуждение и сетования по поводу финансового состояния вузов, оплаты труда педагогов и еще тысячи мелких, но представляющих реальные проблемы учебных заведений. Но ради чего?

На наш взгляд, в официальных документах не определена и не провозглашена четкая официальная государственная установка, что образование — это сфера

¹⁰ Макеева А. ЕГЭ уйдет в виртуальную реальность // Коммерсантъ. 22.02.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3557326> (дата обращения: 03.08.2019).

¹¹ Макеева А. «Обеспечить справедливость можно только деньгами» // Коммерсантъ. 12.04.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3600263> (дата обращения: 03.08.2019).

достижения и удовлетворения блага общества, обеспечения творчества, свободы поиска, раскрытие интеллектуального потенциала. И не надо эту цель заслонять цифрами формальных признаков — численностью обучающихся, количеством вузов и других учебных заведений, перечислением профессий подготовки для нынешнего общества и для будущего и т. д.

Необходим *проблемно-целевой подход*, определение основных компонентов, без решения которых все фантазии, подобные «12 решениям», несмотря на их внешнюю привлекательность, не соотносятся с реальностью, с тем, что происходит в образовательной среде, в повседневной жизни учебных заведений. Иначе цели заменяются средствами, а с точки зрения перспектив будущего развития общества — забвением цивилизационной роли общества, необходимости его духовно-культурного обогащения.

Этот разрыв между утилитарными предложениями и необходимостью видеть и действовать со стратегических позиций и представляет собой главную опасность в осуществляемых реформах образования.

Для этого постараемся ответить на следующие вопросы.

Кто главный субъект в образовательном процессе в вузе?

Традиционно считалось, что студенты и профессорско-преподавательский состав — это основа, база, фундамент любого высшего учебного заведения. Было еще достаточно расхожее, устоявшееся и оправданное временем утверждение, что ядром и показателем интеллектуального богатства, задающего тон и камертон в учебном, образовательном и научном процессах и в их организационном воплощении является кафедра (как в академической структуре — лаборатория, сектор, проблемная группа). И это было вполне естественно — ведь кафедра, представляя группу единомышленников, определяет лицо коллектива, олицетворяет научные и образовательные возможности, приоритеты, перспективы. Еще совсем недавно руководители факультетов и вузов (деканат и ректорат), определявшие стратегию подопечных подразделений, были скорее координаторами, обеспечивавшими реализацию поставленных задач подчиненными им подразделениями. Кафедры имели свой голос при формулировке целей образовательного процесса, в дискуссиях и полемике отстаивали свои права и возможности проявить инициативу, идти по пути поиска, проводить учебные эксперименты, принимать участие в выборе заказчиков на проведение исследований.

Но все это в прошлом. Теперь главным, определяющим лицо вуза и координирующим усилия всех его звеньев является аппарат управления, начиная с Минобрнауки и завершая увеличивающейся бюрократией вузов. Е. Л. Бляхер и М. Л. Бляхер проследили, как нарастала концентрация власти в органах управления высшим образованием. По их мнению, это постепенное лишение самостоятельности не только кафедр, но и самих вузов прошло в несколько этапов. Первый этап связан с присоединением к Болонскому процессу, с бюрократизацией и предельной формализацией учебного процесса. Вузы сопротивлялись нововведению, но постепенно уступали. Второй этап прошел под знаком внедрения формализованных показателей, с лишением вузов финансовой самостоятельности. Вертикаль власти стала достоянием всех уровней образования. В результате

ориентации во имя «общеевропейского рынка» и разрыва связи с местными сообществами этот этап привел к снижению востребованности профессиональных знаний и сведению всего процесса к получению диплома, который имеет значение статуса, а не высокой квалификации. Поэтому изменяется и стратегия поведения преподавателя: ему легче пойдти навстречу студенту, чем проявить принципиальность, чему способствует постепенное распространение «академического сговора» [Титаев, 2012]. Иначе говоря, примерно с 2008 г. вузы утратили самостоятельность и на первый план вышли внешние нормативы, количество которых только с 2008 по 2013 гг. увеличилась в 16 раз [Бляхер, Бляхер, 2014: 34—39].

Об этом говорят и статистические данные, которые лукавят, скрывая гигантский рост бюрократической машины. За последние годы можно наблюдать парадоксальную ситуацию. По официальным данным, общее число занятых в образовании растет, но если обратиться к сути этих изменений, то очевидно, что численность учителей и профессорско-преподавательского состава (ППС) сокращается. Так, численность ППС с 2010 по 2015 гг. уменьшилась на 77 тыс., а учителей — более чем на 500 тыс. Но так как статистические данные показывают рост численности занятых в сфере образования, то это говорит о скрытом росте управленческого и контролирующего аппарата. То есть происходит замещение уменьшающихся преподавательских кадров бюрократическим аппаратом во всех звеньях управления (см. рис. 1).

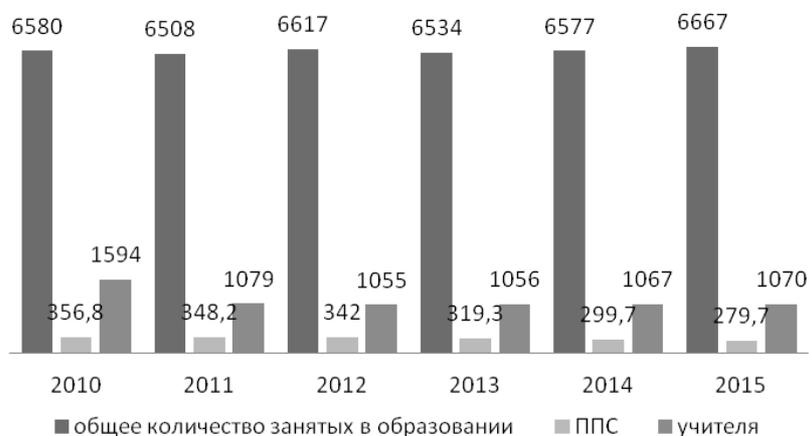

Рисунок 1. Количество занятых в образовании, профессорско-преподавательского состава и учителей (тысяч человек)¹²

Как это происходит? В управленческом рвении Минобрнауки и Роскомнадзор плодят требования по ужесточению контроля за ходом учебного и научно-исследовательского процесса, требуют огромное количество бумаг, особенно при

¹² Источники: Российский статистический ежегодник. Стат. сб. Росстат. М., 2016. С. 139, 148; Российский статистический ежегодник. 2003. Стат. сб. Росстат России. М., 2003. С. 137; Российский статистический ежегодник. 2006. Стат. сб. Росстат. М., 2006. С. 139; Рабочая сила, занятость и безработица в России — 2016 г. Стат. сб. Росстат. М., 2016. С. 31. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_61/Main.htm (дата обращения: 15.07.2019).

проведении аккредитации. Один из вузов Новосибирской области представил в Рособрнадзор отчет на 200 тыс. страниц, а проверка одного из филиалов Новосибирского педагогического университета, имеющего всего тысячу студентов и пять программ обучения, потребовала отчета на 40 тыс. страниц. Конечно, это требует от руководства вузов специальных подразделений, которые готовили бы ответы на запрашиваемые документы¹³. По утверждению зам. председателя комитета Госдумы по образованию О. Н. Смолина, среднестатистический российский вуз сдает за год около 300 отчетов, содержащих примерно 12 тыс. показателей. Трудно понять и логику, и смысл усилий по созданию управлений качества обучения наряду с учебно-методическим управлением, которое испокон веков отвечало за методическую подготовку и качество преподавания.

Лишению самостоятельности вузов способствовали действия некоторых университетов (например, НИУ ВШЭ), которые ликвидировали кафедры и в соответствии со стандартами западных университетов основным звеном сделали департаменты, координирующие и контролирующие процесс, но не способные создать атмосферы единой организации и по духу и по форме, присущей ранее существовавшим кафедрам.

Апелляция к таким органам управления университетской жизни, как ученые советы университетов и различные советы по отдельным проблемам, — это скорее формальные инстанции, подтверждающие решения и рекомендации, которые родились в недрах ректоратов и подопечных им управлений и отделов. Более того, ставится под сомнение необходимость (с последующей ликвидацией) конференций (собраний) профессорско-преподавательского состава и их права вносить предложения по изменению Устава университета, как сделали это даже в ведущем вузе страны МГУ им. М. В. Ломоносова.

Может ли оптимизация быть политикой?

Наряду с растущей бюрократизацией определяющим направлением в сфере образования (как и науки, здравоохранения и культуры) стала политика так называемой оптимизации, которая подается как чуть ли не основной путь модернизации этой сферы общественной жизни.

По словам руководителя Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки С. Кравцова, если на 1 сентября 2013 г. в стране насчитывалось 2500 организаций высшего образования (из них 500 — негосударственные, 900 — филиалы государственных вузов), то в 2018 г. существовало 484 государственных и 149 негосударственных вузов¹⁴.

Были закрыты многие, особенно частные вузы, качество образования в которых было невысоким (некоторые из них превратились в учреждения по продаже дипломов). Это отрадный факт — происходит упорядочивание и повышение ответственности за получение высшего образования. Однако этот процесс породил неравенство: университеты были разделены на федеральные, научно-исследовательские, опорные и т. д., что по факту стало разделением на «первосортные», «вто-

¹³ Колесова О. Под бумажным грузом. Ректоры просят упростить процедуру аккредитации вузов. Образование // Поиск. 09.02.2018. URL: <http://poisknews.runnet.ru/theme/edu/32905/> (дата обращения: 02.08.2019).

¹⁴ Дружба со службой // Поиск. 26.10.2018.

росортные» и далее. Одни получили значительные преимущества и преференции по всем показателям — создание особых условий функционирования, финансирования, предоставления льгот и т. д., а другие вынуждены постоянно доказывать необходимость и правомочность своего существования. На одной из научных встреч представитель НИУ ВШЭ доказывал преимущества своего вуза и необходимость ориентироваться на его работу, а в качестве важнейших показателей привел работу приглашенных зарубежных профессоров, выполнение заказов и получение грантов, проведение занятий на английском языке и ряд других отличительных практик. В заключение последовал вывод: все университеты, которые не будут соответствовать этим или подобным стандартам, следует или закрыть, или преобразовать. На мой вопрос — а как быть с Енисейским пединститутом, ныне филиалом Сибирского федерального университета, который в основном подготавливает кадры учителей для таежных поселков и факторий из молодежи этих поселений. Ясно, что туда не поедут зарубежные профессора, мало будет желающих дать гранты или сделать заказ на научные исследования и т. д., Значит, что их следует закрыть? А кто поедет учительствовать в эти далекие поселения?

Оптимизация высшего образования привела к принятию далеко не однозначных слияний, преобразований, ликвидаций и других манипуляций. Этот процесс далеко не всегда сопровождается вразумительными пояснениями. Зачем, например, НИУ ВШЭ потребовался инженерный вуз? Почему университет печати объединен с технологическим университетом? Надо ли было объединять в один университет все учебные заведения Хакасии и все филиалы других вузов в купе с десятком средних профессиональных учебных заведений?

Реформаторы предложили оптимизировать и процесс преподавания. По их мнению, две трети российских вузов не имеют преподавателей, способных к исследовательской работе. Поэтому их надо максимально сократить и реализовать обучение через онлайн-курсы ведущих преподавателей-исследователей¹⁵. А что это значит на деле? Это закрытие кафедр, увольнение многих преподавателей — и не только в провинциальных вузах.

Творцы этой оптимизации в сфере общего образования постоянно ищут оправдание этой политики. Так, Я. Кузьминов почему-то приписывает этой процедуре достижения московских школ в мировом рейтинге PISA по качеству образования¹⁶. А может, это заслуга преподавателей и организаторов в подготовке успешных учеников в этих школах, а не пресловутая оптимизация в виде механических объединений?

Станет ли вуз базой и основой развития науки?

Россия в очередной раз переживает вторжение неолиберальных идей в управление наукой. Вдохновленные примером организации науки в США и европейских странах, клеветы этих идей провозгласили: университеты должны стать базой и основой науки. Они полностью игнорируют многовековой опыт производства научного знания в России. В стране сначала появилась Академия наук, и лишь

¹⁵ См., например: Котюков М. Требуется ученый // Российская газета. 13.02.2019.

¹⁶ Вовоикова Т. Негатив в позитиве. Переход на эффективный контракт приносит нежданные плоды // Поиск. 09.02.2018. URL: <http://www.poisknews.ru/magazine/32877/> (дата обращения: 02.08.2019).

десятилетия спустя открылся первый университет. Фактически в России сложились две сферы производства научного знания — академическая и вузовская. Причем последняя по потенциалу всегда уступала первой. В советское время появилась еще одна ветвь — отраслевые научно-исследовательские институты при министерствах и ведомствах, главной задачей которых было не только производство научной информации, но и превращение фундаментального знания в прикладное.

Новые руководители сферы науки и образования в лице бывшего министра Д. Ливанова, ректоров вузов Я. Кузьминова и В. Мау инициировали перестройку и ломку сложившейся структуры не только образования, но и науки. Была принята беспрецедентная по масштабу кампания по дискредитации Российской академии наук и даже попытка ее ликвидации, по выводу из ее состава ряда важнейших институтов, задававших тон в научной работе всей страны (Курчатовский институт и ряд других научных учреждений), по созданию подобию слепок с американской Кремневой долины в виде «Сколково» (которое наши соотечественники — лауреаты Нобелевской премии К. Новоселов и А. Гейм назвали создание Сколково «полнейшим сюрреализмом»¹⁷.

Показательно в этом отношении признание А. Чубайса: «У нас есть набор особенностей, которые означают, что мы вряд ли построим Силиконовую долину»¹⁸. В результате фронт научных исследований, их координация и эффективность значительно ослабли (в результате превращения РАН в клуб ученых), и Россия все больше уступает первенство во многих отраслях науки и техники и, как следствие, в производстве.

С попытками передачи науки в университеты мало что получается не столько в силу слабости университетских преподавателей, сколько в силу возрастающей педагогической нагрузки, ликвидации всех возможных учетных дел, кроме аудиторного присутствия на занятиях. Советская система исчисления нагрузки — 450—500 часов для профессора в год, куда включалась и методическая работа, и регулярные консультации, и даже целевые задания по разработке новых курсов, постепенно превратились в российскую норму — от 900 до 1200 часов аудиторной загрузки. И в этих условиях вести полноценную исследовательскую работу?

А пока наука в вузах, по одному меткому выражению, превратилась в публикационный оброк [Кабатков, Лейбович. 2016]. Засилье ложно используемой и искаженной наукометрии ведет к упрощенному пониманию и представлению о возможностях использования творческого потенциала преподавателей, порождая различного вида симуляции и имитации [Кулешова, Подвойский, 2018].

Являются ли компетенции новым словом в модернизации образования?

Традиционная установка российского образования — «знания, умения, навыки», восходящая к классикам педагогической мысли и проверенная десятилетиями, по инициативе новых реформаторов была отвергнута и заменена западным понятием «компетенции». Интересно, что даже самые ярые сторонники компе-

¹⁷ Нобелевские лауреаты Новоселов и Гейм: Россия не должна дергаться // Новая газета. 08.10.2010. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2010/10/07/1229-nobelevskie-laureaty-novoselov-i-geym-rossiya-ne-dolzha-dergatsya> (дата обращения: 30.08.2019).

¹⁸ Истомин В. Имитация модернизации // Версия. 2018. № 47.

тентностного подхода, подробно аргументируя точку зрения, по ходу изложения постоянно оперируют прежними терминами — знания, навыки, умения, — делая, правда, особый акцент на умения и навыки. В результате возникает вопрос: стоило ли заменять проверенное временем новым термином, который только внешне демонстрирует новизну? В результате появляются многочисленные инструкции, разъясняющие, как их трактовать и как применять, как их варьировать по отношению к различным предметам. В результате возникает огромный простор для бюрократических зацепок. В мою бытность деканом при прохождении очередной аккредитации университета проверяющий (кстати, представитель другой науки, не социолог) дотошно спрашивал после знакомства с одним из учебно-методических пособий: «Почему в этом пособии эта компетенция прописана на втором месте, если в инструкциях Министерства она стоит на первом месте?»

Характерна реакция практически всех преподавателей — участников Международного форума труда (Санкт-Петербург, март 2018 г.), собравшихся на одну из секций по обсуждению обоснованности и применимости такого требования, как компетенции в преподавании. Все выступающие, за исключением официальных представителей органов управления образованием, подвергли резкой критике это нововведение, показав его надуманность, никчемность, но важность при использовании эквилибристики при оценке деятельности преподавателей. Многозначность этого термина и возможность трактовать его в зависимости от понимания расплывчатых установок министерства создают произвол в организации учебного процесса, в контроле за работой преподавателя, не говоря о том, что при жесточайшем соблюдении этих требований полностью игнорируется творчество преподавателя, оригинальность и вариативность построения учебного процесса.

Вместо того, чтобы внедрять постоянную практику учета и реализации новых веяний (выражающихся в новых предметах, даже в порядке поиска), надо не тасовать мифическое изображение компетенций во всех возможных вариантах учебного процесса, а давать возможность разрабатывать новые курсы, чтобы мы в очередной раз не отставали от цифровизации (по словам А. Кудрина, по уровню ее развития Россия отстает от передовых стран лет на десять¹⁹) в умении программировать свои действия, реально участвовать в управлении образовательным процессом.

Особо стоит отметить, что под воздействием внедряемого эффективного контракта происходит эрозия мотивации преподавателей, так как многие его показатели произвольны, зависят от критериев оценки, чаще всего понятных только руководству.

Фокусы с ЕГЭ, в том числе статистические

Одно из важнейших нововведений, связанных с внедрением Болонского процесса — единый государственный экзамен (ЕГЭ). Главным аргументом стало утверждение, что по его результатам школьник может выбрать для обучения любой вуз страны. Но это похоже только на одну сторону истины при игнорировании многих других. Во-первых, практика показала несовершенство инструментов,

¹⁹ Кудрин: Россия отстает по темпам цифровизации от передовых экономик в 10 раз // ТАСС. 27.02.2017. URL: tass.ru/ekonomika/4053044 (дата обращения: 30.08.2019).

используемых для измерения степени подготовки выпускника. Поэтому каждый год они уточняются, преобразуются, дополняются, предлагаются другие образцы. Во-вторых, их внедрение породило огромный рынок коррупционных услуг, затрат на репетиторство (измеряемые в несколько миллиардов рублей²⁰). В-третьих, усвоение знаний превратилось в натаскивание «на удайство», «на везение», «на счастливый случай». В-четвертых, результаты ЕГЭ влияют на оценку деятельности школ, поэтому нередки случаи, когда директора школ отговаривают выпускников сдавать экзамены по физике и другим естественно-научным дисциплинам, так как они всегда дают более низкие баллы²¹. В-пятых, проведение ЕГЭ требует больших финансовых затрат на установку специального оборудования, видеонаблюдение, привлечение полиции или других охранных организаций. Недавний случай: в Чувашской республике для «правильной» организации проведения ЕГЭ на десятки миллионов рублей закупили «глушилки». А «достижения» с результатами ЕГЭ в некоторых республиках и областях, где количество «успешно» сдавших ЕГЭ в несколько раз превышает результаты соседей и даже столичных школ. И наконец, стоит сказать о таких статистических фокусах, как конкурсы в вузы. Именно право выпускника с результатами ЕГЭ подать заявление в несколько учебных заведений создает лжеэффекты о высокой востребованности специальностей и значимости вуза.

Поэтому неудивительно, что до сих пор не стихают протесты и критика ЕГЭ. Причем не только со стороны учителей, родителей, самих учеников, но и таких ответственных лиц, как президент РАН А. М. Сергеев, который призвал отказаться от ЕГЭ в его сегодняшнем виде, так как «экзамен в его нынешнем виде не нацелен на оценку творческого начала ученика. По сути это формальная проверка набора фактов, которые он запомнил за годы обучения» [Цит. по: Медведев, 2018].

Пребендиализм как организационная форма квазирыночных трудовых отношений

Пребенда, возникшая в средневековье, — право должностного лица кормиться за счет государственной или церковной собственности, земли или иного общественного достояния. Таких должностных лиц М. Вебер определял как «пребендариев», а экономико-политические отношения, основанные на этих правах, — как «пребендиализм». Черты пребендиализма, на наш взгляд, воспроизводятся в современной России, в том числе социальных институтах, так или иначе связанных с образованием. Именно из-за того, что важнейшей, практически основной целью университетов становится извлечение максимальной прибыли путем снижения издержек, наращивания разного рода услуг, происходит интенсивный процесс поиска, прямо или косвенно, средств на их существование с правом руководителя достаточно произвольно распоряжаться имеющимися ресурсами. При этом форма использования и распределения полученных средств зависят от статуса

²⁰ См. Денисова-Шмидт Е. Corruption in Russian Higher Education // Russian Analytic Digest, N 191; см. также: От редакции // Независимая газета. 07.06.2019.

²¹ Андреева Н. Ума палата. Сколько стоит гранит науки и почему коррупция в высшей школе «достигает самых высоких уровней» // Новая газета. 09.06.2017. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/06/09/72749-uma-oplata> (дата обращения: 04.08.2019).

этих организаций и лиц, их возглавляющих. В связи с этим встает вопрос о соответствии действий руководителей учебных заведений, извлекающих прибыль из оказываемых ими услуг, правовым нормам, а также требованиям морали (справедливости). То, как в современных университетах складываются трудовые отношения и соответствующие распределительные отношения, дает основания охарактеризовать их как *пребендиальные*, суть которых сводится к тому, чтобы использовать полученные финансовые средства по собственному (или групповому) пониманию и усмотрению, нередко достаточно произвольны [см. Бляхер, Бляхер, 2014]. Такая система постепенно сложилась вследствие либеральных преобразований социально-гуманитарной сферы, которая в 1990-е годы характеризовалась резким снижением объемов ее финансирования. В этой ситуации университетам для того, чтобы институционально воспроизводиться, пришлось учиться практиковать коммерческие услуги. Нередко значительная часть прибыли от этих услуг напрямую шла «в карман» руководителей и обслуживающего их аппарата. Впоследствии такое положение дел легализировалось в праве самим организациям, а точнее их руководителям, определять размер и критерии выплаты надбавок к заработной плате, прежде всего руководителям и аппарату управления. Такой подход окончательно оформил пребендиализм в бюджетной, в том числе и образовательной сфере российского общества. Руководитель бюджетной организации стал напоминать «барина», по своему усмотрению распределяющего прибыль, а ее работники приведены в бесправное, прекарное состояние. Таким образом, использование труда работников в значительной мере стало зависеть от воли руководителя учреждения, который «приватизирует» функции государства. В этой ситуации в вузах нередко возникает конфликт интересов между администрацией и преподавателями и другими наемными работниками, что еще больше разобщает интеллигенцию, в которой образуются привилегированные и ущемленные в правах специалисты [подробнее см.: Анисимов, 2018].

Вследствие сложившегося положения дел растет прекаризованность труда и образа жизни вузовской интеллигенции (о феномене прекаризации см. подробнее [Тощенко, 2018]). Она означает нестабильность занятости, которая порождена процессами коммерциализации учебной и научной деятельности и правом руководителей организаций самим определять размеры и формы оплаты труда. Коммерциализация наряду с ростом платных услуг, с одной стороны, определила сокращение расходов на преподавательский состав посредством резкого увеличения учебной нагрузки. *Это широко известное явление получило название «оптимизация»*. Причем она касается прежде всего ППС, а не управленцев. На наш взгляд, существует прямая связь между количеством административного персонала и нагрузкой работника. Растет число управленцев, увеличиваются так называемые оптимизационные процессы в учебных заведениях, вследствие этого растет неуверенность преподавателей относительно устойчивости и гарантированности своей работы. А право руководителя самим определять премиальный фонд ведет к невозможности работника знать размер своего дохода, заработной платы. Зачастую сотрудники не понимают, сколько они получают даже в следующем месяце. Это и есть *один из основных признаков прекаризации труда интеллигенции*. Более того, среди ППС учебных заведений прекаризация проявляет себя

сильнее, чем в других социально-профессиональных группах. По результатам наших исследований можно наблюдать, что опасение потерять работу и неясность оплаты труда, например, в среде гуманитарной интеллигенции развита сильнее, чем среди всего населения (см. рис. 2).

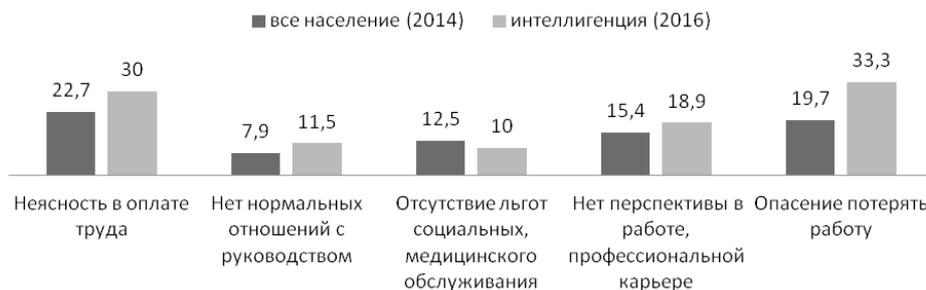

Рисунок 2. Проблемы, в первую очередь волнующие интеллигенцию и все население России по месту работы (в % по каждой группе, сумма ответов не равна 100 %, так как можно было указать несколько вариантов)²²

Таким образом, каждый третий представитель интеллигенции опасается потерять работу и отмечает неясность в оплате труда. Если к этому добавить неустойчивость социального положения, утрату социального престижа, ограниченность в использовании материальных и духовных благ, то становится очевидным, что значительные слои интеллигенции ощущают ущемленность в реализации своих прав и свобод, гарантий достойного уровня жизни. Профессор Саратовского технического университета И. Овчинников сравнивает свое положение как преподавателя в 1970 г., когда он окончил вуз, и нынешнее состояние. Он напоминает, что в этот год управляющий трестом получал 280 руб., доцент кафедры — 320 руб., профессор — 450 руб. в месяц (среднемесячная зарплата в то время в СССР была равна 120 руб.)²³. В настоящее время из-за низкой оплаты труда и ухудшившихся условий быть профессором неинтересно, непрестижно, накладно из-за глобальной зависимости от руководства вуза, при постоянной боязни потерять работу, проявить свое природное вольнодумство²⁴. И как реагировать на ситуацию, когда ректор вуза, представители администрации вуза получают в разы, а иногда в десятки раз больше, чем рядовой преподаватель? Правда, не так давно появилась официальная рекомендация: руководитель вуза не может получать зарплату, в восемь раз превышающую среднюю зарплату преподавателя в этом вузе. Но в реальной жизни, согласно данным исследовательского центра «Лаборатория Ольги

²² В рисунке представлены только ответы, касающиеся прекаризованности гуманитарной интеллигенции. Источник: Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография / отв. ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. С. 77.

²³ Андреева Н. Ума палата. Сколько стоит гранит науки и почему коррупция в высшей школе «достигает самых высоких уровней» // Новая газета. 09.06.2017. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/06/09/72749-uma-oplata> (дата обращения: 04.08.2019).

²⁴ Афанасьева В. Пять причин, по которым не следует становиться профессором // Комсомольская правда. 22.03.2017. URL: <https://www.kp.ru/daily/26655.5/3676180/> (дата обращения: 02.08.2019).

Крыштановской, проанализировавшего сведения о 274 ректорах государственных вузов, самый высокий доход ректора (В. Литвиненко, Санкт-Петербургский горный университет) в 370 раз превышает самый низкий доход ректора Уральского гуманитарно-педагогического университета Т. Чумаченко²⁵.

На степень прекаризации жизни влияет и форма трудового договора. По результатам всероссийского исследования, 67,7% интеллигенции оформлены по бессрочным договорам, оставшиеся 23,3% работают по срочным, временным договорам или вообще без оформления [Жизненный мир..., 2016]. В целом социальное положение интеллигенции и по субъективным основаниям (неясность оплаты труда, опасение потерять работу), и по объективным показателям (вид трудового договора) выше, чем у всего населения России.

Забыли о воспитании?

Крушение Советского Союза сопровождалось разгромом, отказом и даже шельмованием такой неотъемлемой части образования, как воспитание. Это не ограничилось запретом партийных и роспуском комсомольских и пионерских организаций. Стала господствовать установка: главное обучение, передача знаний без всяких претензий на осуществление воспитательных функций. Более того, попытки сохранить то, что было апробировано с точки зрения воспитания будущего гражданина в советской школе, всячески ограничивались и даже запрещались. В 1990-е годы мне как декану по поводу предложения о проведении студенческих внеучебных мероприятий первый проректор университета ответил: «Опять Вы тащите свои комсомольские привычки? Современной молодежи это не надо».

Но со временем стало ясно, что игнорирование процесса воздействия на мировоззрение студентов и учащихся обходится дорого и накладно. Выросло и постоянно увеличивалось число молодежи, которая индифферентно относилась к процессам, имеющим общественное значение. Происходила ориентация на материальные ценности, на стремление «получить от жизни максимум». Поэтому при вполне осознаваемой опасности потерять молодежь как граждан сначала эпизодически, локально, постепенно во все возрастающих масштабах стали не только осуществляться меры по организации и проведению внеучебных мероприятий, но и появляться проректора, управления и отделы, которые стыдливо стали называться «по работе со студентами». Но в большинстве случаев это пока паллиативные меры. *Пока нет определенной, четко скоординированной работы по воспитанию у молодежи чувства гражданина, патриота, будущего интеллигента, ответственного работника производства.* Более того, подспудно осуществляется политика с экивоками на зарубежный опыт по игнорированию всех попыток наладить воспитательную работу в учебных заведениях.

Поэтому неудивительно, какой мощный всплеск эмоций и протестов возник у либеральных интеллектуалов после решения министра Минобрнауки РФ О. Васильевой возродить трудовое воспитание в школе, обучение навыкам общественно полезного труда. Появились статьи, доказывающие, что в советское время действия по трудовому воспитанию, формированию у детей трудовых навы-

²⁵ Миронова К. Ректоров выстроили в колонку // Коммерсантъ. 19.02.2019.

ков обернулись, ни много ни мало, лейкозом (!), раком крови (!), дизентерией (!), гельминтами (!) и даже инфекционным гепатитом²⁶. Примечательно, что при этом с восторгом описывался зарубежный опыт при полном игнорировании и умалчании такого факта, что в США в обязательном порядке ученик должен затратить 100 часов на выполнение общественно необходимой деятельности [Данилина, 2014].

В связи с проблемами воспитания нельзя умолчать об участии религиозных организаций, в основном православных и мусульманских, в работе учебных заведений. Несомненно, религиозное воспитание играет серьезную роль в духовной жизни общества. Но эту роль не надо абсолютизировать, превращать ее в единственный метод и критерий в работе с молодежью. Важно, что большинство россиян, отдавая должное влиянию церкви на жизнь общества и ее внедрению в школы, предпочли ориентировать своих детей²⁷ на освоение знаний о культуре вообще, куда входит определенной частью и религиозная культура, а не только на знакомство с православной, мусульманской или другой верой. Социологические исследования²⁸ свидетельствуют, что приобщение к религиозной культуре волнует только часть россиян, поэтому навязывание определенных конфессиональных установок в воспитании противоречит Конституции РФ, провозгласившей свободу совести: верить — не верить, частично верить, избрать другую веру или примкнуть к комбинациям веры и других убеждений (подробнее см. например [Муравьев, Шахнович, 2012]).

***

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. В 1990-е гг. и в начале XXI в. произошло существенное снижение уровня и качества высшего образования. Были осуществлены неоднозначные, спорные, а в ряде случаев принципиально ошибочные изменения, приведшие к ухудшению социально-экономического положения вузовской интеллигенции, к дезориентации в ценностных установках студенческой молодежи. Учебные учреждения перестраиваются в соответствии с неolibеральными рыночными установками на извлечение прибыли из осуществляемой ими деятельности. Увеличивается административно-управленческий аппарат этих организаций, а деятельность их руководителей фактически приобретает форму пребэнд. Сама же интеллигенция во все большей степени превращается в обладательницу черт прекариата — слоя, характеризуемого нестабильным, неустойчивым положением на рынке труда, что становится постоянной характеристикой ее жизненного мира.

Список литературы (Reference)

Амброз С. Эйзенхауер. Солдат и президент / пер. с англ. М. : Книга. лмт. 1993.
Ambroz S. (1993) Eisenhower. Soldier and president. Moscow: Kniga. (In Russ.)

²⁶ Киян И. «Лейкоз, рак крови, опухоль легких». К чему приводило трудовое воспитание школьников // Версия. 15.05.2017. № 18. URL: <https://versia.ru/k-chemu-privodilo-trudovoe-vospitanie-shkolnikov> (дата обращения: 02.08.2019).

²⁷ См. Левада-центр, 2013. Экспресс опрос. 01.03.2013.

²⁸ ВЦИОМ: почти треть опрошенных россиян против изучения в школе мировых религий, в том числе православия // Amur Info. 04.12.2017. URL: <https://www.amur.info/news/2017/12/04/132495> (дата обращения: 02.08.2019).

Анисимов Р. И. Основные показатели благосостояния и социального статуса гуманитарной интеллигенции / Как живешь, интеллигенция. М., 2018.

Anisimov R. I. (2018) The main indicators of the welfare and social status of the humanitarian intelligentsia. How do you live, the intelligentsia. Monograph. Moscow. (In Russ.)

Бляхер Л. Е., Бляхер М. Л. Мифология управления. Политика министерства vs. политика вузов: динамика противостояния // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2014. № 1(72). С. 22—46.

Blyakher L. E., Blyakher M. L. (2014) Mythology of management. Ministry Policy vs. the policy of universities: the dynamics of opposition. *Politeia*. No. 1 (72). P. 22—46. (In Russ.)

Бляхман Л. С., Чернова Е. Г. Образовательная политика в условиях перехода России к инновационной экономике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. 2012. Вып. 4. С. 44—60.

Blyakhman L. S., Chernova E. G. (2012) Educational policy in the conditions of Russia's transition to an innovative economy. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 5. Economy*. No. 4. P. 44—60. (In Russ.)

Данилина Я. В. Реформирование системы образования как фактор развития национальной инновационной системы // Экономическая наука современной России. 2014. № 3 (66). С. 118—130.

Danilina Ya. V. Reforming the education system as a factor in the development of the national innovation system. *Economic Science of Modern Russia*. 2014. No. 3 (66). P. 118—130.

Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.): Научное издание / под. ред. Ж. Т. Тощенко. М. : ЦСП и М, 2016.

Life of Russians: 25 years later (late 1980s — mid 2010s): Scientific publication. (2016) Ed. by Zh. T. Toshchenko. Moscow. (In Russ.)

Кабацков А., Лейбович О. «По духу времени и вкусу...»: доцент как невольник // Новое литературное обозрение. 2016. № 142. Т. 2. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/142_nlo_6_2016_spetsialnyy_vypusk_t_2_rabstvo/article/12338/ (дата обращения: 02.08.2019).

Kabatskov A., Leibovich O. (2016) “By Zeitgeist and taste...”: The Associate Professor as Slave. *New Literary Review*. No. 142. Т. 2. (In Russ.) URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/142_nlo_6_2016_spetsialnyy_vypusk_t_2_rabstvo/article/12338/ (accessed: 02.08.2019).

Кулешова А. В., Подвойский Д. Г. Парадоксы публикационной активности в поле современной российской науки: генезис, диагноз, тренды // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 169—210. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.10>.

Kuleshova A. V., Podvoisky D. G. (2018) Paradoxes of publication activity in the field of modern Russian science: genesis, diagnosis, trends. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*. No. 4. P. 169—210. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.10>.

Муравьев А., Шахнович М. Религия в современной российской школе // Отечественные записки. 2012. № 4. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/4/religiya-v-sovremennoy-rossiyskoy-shkole> (дата обращения: 30.08.2019).

Murav'yev A., Shakhnovich M. (2012) Religion in a modern Russian school. *Domestic notes*. No. 4. (In Russ.) URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/4/religiya-v-sovremennoy-rossiyskoy-shkole> (accessed: 30.08.2019).

Ранчин А. Апокалипсис нашего времени. Предварительные итоги реформ российского образования // Россия — XXI 2015. № 6. С. 66—83.

Ranchin A. (2015) Apocalypse of our time. Preliminary results of the reforms of the Russian education. *Russia — XXI*. No. 6. P. 66—83.

Смолин О. Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? (Статья 1) // Социологические исследования. 2015а. № 6. С. 91—101. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_6/Smolin.pdf (дата обращения: 15.07.2019).

Smolin O. N. (2015) Higher education: struggle for quality or an attempt at human potential? (Part 1). *Sociological Studies*. No. 6. P. 91—101. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_6/Smolin.pdf (accessed: 15.07.2019).

Смолин О. Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? (Статья 2) // Социологические исследования. 2015b. № 7. С. 30—37. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_7/Smolin.pdf (дата обращения: 15.07.2019).

Smolin O. N. (2015) Higher education: struggle for quality or an attempt at human potential? (Part 2). *Sociological Studies*. No. 7. P. 30—37. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_7/Smolin.pdf (accessed: 15.07.2019).

Титаев К. Академический сговор // Отечественные записки. 2012. № 2. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/akademicheskij-sgovor> (дата обращения: 30.08.2019).

Titaev K. (2012) Academic conspiracy. *Domestic notes*. No. 2. (In Russ.) URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/akademicheskij-sgovor> (accessed: 30.08.2019).

Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М. : Наука, 2018.

Toshchenko Zh.T. (2018) Precariat: From Protoclass to a New Class. Moscow: Nauka.